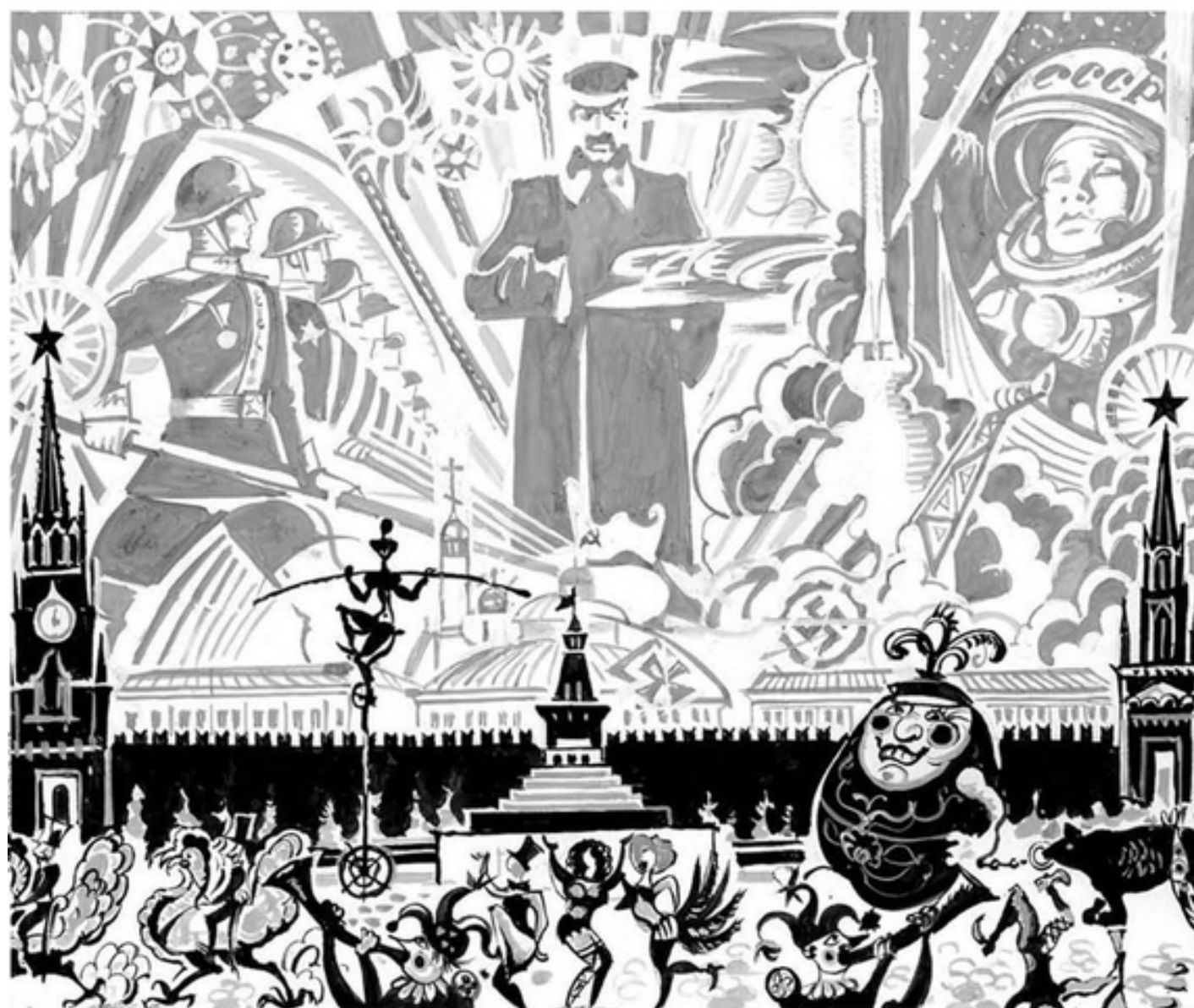

ВЛАСТЬ БЕЗ МОЗГОВ

ВЛАДИМИР БУШИН

ЧУЖИЕ В КРЕМЛЕ

ЧЕГО ОТ НИХ ЖДАТЬ?

Власть без мозгов

Владимир Бушин

**Чужие в Кремле.
Чего от них ждать?**

«Алисторус»

2015

Бушин В. С.

Чужие в Кремле. Чего от них ждать? / В. С. Бушин —
«Алисторус», 2015 — (Власть без мозгов)

Перед вами очередная книга прославленного публициста В.С. Бушина, автора более трех десятков политических бестселлеров. В ней содержатся острые материалы о кремлевской власти, статьи-персоналии о Путине, Медведеве и прочих «высоких лицах». Автор останавливается и на политике Кремля, и на его идеологии, и на своеобразном «кремлевском» видении нашего прошлого и будущего. Он утверждает, что за громкими словами кремлевских лидеров о служении России скрываются корысть и хищническое отношение к богатствам нашей страны. Такой же фальшивой является официальная кремлевская идеология – в частности, представления об истории России. Автор приводит конкретные высказывания на этот счет представителей власти и близких к ним «историков» и опровергает их фактами. Не обходит он стороной и ошибки оппозиционных политиков в этой области. В.С. Бушин не намерен щадить никого, когда речь идет о самом существовании России.

© Бушин В. С., 2015

© Алисторус, 2015

Содержание

Вспомнить все	6
Крестный папа Владимира Путина	6
Путин на двух креслах	13
Кто сказал, что президент трус?.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Владимир Бушин
Чужие в Кремле. Чего от них ждать?

© Бушин В.С., 2015

© ООО «Издательство «Алгоритм», 2015

Вспомнить все

Крестный папа Владимира Путина

Еще в июне 1991 года в «Советской России» я напечатал статью «Хождение Собчака». Позже об этом реликтовом деятеле, вскоре получившем титул «знаменосца демократии», публикаций было, пожалуй, больше, чем, допустим, о Е. Гайдаре и А. Чубайсе, вместе взятых. Запомнились, например, статьи в газетах и оппозиционных, и правомерно демократических: «Хлестаковщина на Сене» («Советская Россия», 15.10.98), «Черная тень Собчака над Россией» («Новая газета», № 24'97), «Собчак как зеркало русской коррупции» («Комсомольская правда», № 26'97), «Плачет по Собчаку «Матросская тишина» («Совершенно секретно», № 2'97) и т. д.

Авторы этих статей утверждали, что Собчак – взяточник, махинатор, что, например, проживая ранее в скромной двухкомнатной квартирке на окраине Ленинграда, он, став мэром города, обтяпал в самом центре отменное гнездышко в 400 квадратных метров, устроил также уютные берложки своим родственникам, нагрянувшим в Северную Пальмиру из Брянской области, из Ташкента и, кажется, даже из Читы, где 10 августа 1937 года, сразу после Дня физкультурника, в семье тихого бухгалтера родился будущий знаменосец. В справке «О ходе расследования по делу № 141674» заместитель прокурора Ленинграда Н. П. Дудин утверждал, что «суммарная рыночная стоимость жилья, незаконно полученного гр. Собчаком А. А. и его родственниками, составляет около 2 миллиардов рублей».

Справка эта была напечатана в газете «За рабочее дело», которая, по примеру известного общественного процесса над М. Горбачевым, устроила на своих страницах такой же процесс над знаменосцем демократии. Там общественный обвинитель Е. Фетисов, в частности, заявил: «Если уж говорить по-русски прямо, то Собчак – вор. Алчность его безгранична». А закончил так: «На основе всего вышеизложенного, учитывая все зло, причиненное нашей стране, нашим людям, деятельность гр. Собчака и его особую опасность для общества, требую для подсудимого смертной казни через повешение на его собственных подтяжках французского производства без права захоронения на русской земле. Казнь произвести на Дворцовой площади. На шею казненному повесить доску со словами: «Он переименовал и разорил Ленинград, превратив его в столицу нищеты и преступности».

Может быть, во всем этом есть что-то и несправедливое, но во всяком случае столь единодушной неласковости к себе от крайне левых до крайне правых не знает, пожалуй, ни один персонаж эпохи Ельцина.

Что до моей упомянутой выше давней статьи, то я в ней тоже, разумеется, утверждал, что Господь несколько обделил профессора Собчака такими бесценными человеческими качествами, как стыд и совесть, но в статье не было ни слова ни о квартирных махинациях, ни о взятках, ни о брянской теще, ни о ташкентской куме, ни о том даже, как писали другие газеты: «Собчак А.А. вылетел в Лондон и в аэропорту «Хитроу» задержан сотрудниками таможни за провоз без декларации в портфеле «дипломат» более 1 миллиона долларов». Нет, я писал о другом, я доказывал умение профессора вдохновенно декламировать о неизбывной любви к человечеству с выражением непререкаемой святости на лице.

Например, в своей книге «Хождение во власть» знаменосец уверял: «То, что прозвучало с трибуны XIX партконференции, я воспринял как призыв к гражданской мобилизации, адресованный и мне лично. И я, беспартийный (!), подал заявление с просьбой принять меня в КПСС». А я в статье писал, что это похоже на вранье, ибо конференция открылась 28 июня 1988 года, а заявление беспартийный большевик Собчак подал еще 10-го, то есть почти на

три недели раньше, движимый не столь героическим и бескорыстным порывом, на который указывает, а каким-то иным, может быть, вполне шкурным, как и раньше, когда он пролез в члены райкома комсомола.

В заявлении он умолял и божился: «Прошу принять меня в члены КПСС, потому что в эти решающее для партии и страны время хочу находиться в передовых рядах борцов за дело социализма и коммунизма. Программу КПСС изучил, признаю и обязуюсь выполнять». Прекрасно! Точно так же, как на фронте многие из нас писали перед наступлением. Но не прошло и двух лет, как свеженький борец за коммунизм, смазав профессорские пятки, бежал из партии. По выражению поэта, «бежал быстрее лани, быстрее, чем заяц от орла». Мало того, вместе с Ельциным, Яковлевым и Бурбулисом голосом пророка, страдающего диареей, принялся обильно изрекать афоризмы и пророчества такого пошиба: «Марксизм приговорен историей»... «Судьба коммунизма в России предрешена». «Компартия уйдет с политической арены» и т. п. А ведь не мальчиком вступал в партию и рвался в первые ряды ее борцов, ему шел уже шестой десяток, был второй раз женат, имел кучу детей и внуков.

* * *

При единодушной неласковости к Собчаку в прессе и в обществе, сложившейся в результате его резвой деятельности на квартирной и смежных с ней нивах, нетрудно понять его поведение, когда следователь по особо важным делам Н. Михеев стал раз за разом приглашать знаменосца всего лишь как свидетеля для дачи показаний. Ну в самом деле, представьте себе, что по первому же приглашению он направился в прокуратуру, вдруг по дороге видит на стенде «Комсомолку», а в ней статья «Собчак как зеркало русской коррупции». Как всякий на его месте, знаменосец повернулся и побежал в объятия своей супруги, тем более что она, Людмила Борисовна, имела парламентскую неприкосновенность, то есть только он, супруг, имел право иногда прикоснуться. Неудивительно, что после этого он не являлся к следователю еще, допустим, на пять-шесть приглашений. Но вот снова все-таки решился, как вдруг в телевизионном обзоре печати показывают свеженький номер «Совершенно секретно», а там аршинными буквами – «Плачет по Собчаку «Матросская тишина». Конечно, он опять передумал.

И так аж до тринадцатого приглашения, когда следователю не оставалось ничего другого, как прибегнуть к принудительному приводу. Но тут раздался крик неприкасаемой супруги: «У знаменосца инфаркт! Демократия в опасности!» И страдалец тут же повалился на рядом стоявший стол, испустил как бы предсмертный вопль, а потом замер и даже великим усилием воли сумел побледнеть и выдавить на лбу холодный пот... Вскоре почти бездыханного знаменосца везут на аэродром, грузят полуживого в таинственный двухместный самолет, добытый, по слухам, для этого Ростроповичем и Вишневской в Финляндии, и тело Собчака, тщательно оберегаемое верным Путиным, совершает легендарный беспосадочный перелет по маршруту Ленинград – Париж. Это произошло 7 ноября 1997 года, в день 80-летия Великой Октябрьской революции. Уж как порадовал профессор всех избавлением от своего присутствия на русской земле именно в этот праздничный день.

Однако в Париже просидел Собчак, увы, всего лишь годика полтора. А как только директором ФСБ, потом и секретарем Совбеза стал В. Путин, доктор Анатолий тотчас примчался обратно, надеясь, что Путин, поскольку он был его заместителем в правительстве Ленинграда да еще возглавлял избирательный штаб при попытке знаменосца второй раз пролезть в мэры города, не оставит теперь своими милостями. Как знать. Но дело сейчас не в этом.

Вы ни за что не догадаетесь, читатель, чем эти полтора года горького изгнания занимался Собчак в Париже. Оказывается, перебиваясь с кваса на устриц, терзаясь разлукой с неприкасаемой женой-депутаткой, он все это время писал книгу! О чем? Может быть, вы думаете, что о своих великих государственных деяниях? или о встрече с Ельциным? о дружбе с Евтушенко?

о контактах с Новодворской?.. Ничуть не бывало! Он писал книгу о Сталине!.. Уму непостижимо!.. Это после стольких-то книг, статей, фильмов о Сталине в нынешнюю пору. Да еще после того, как столь достослезной оказалась вскоре участь многих авторов этих произведений.

В самом деле, ведь не мог ученый профессор не знать, например, что еще в конце 70-х годов поэт Борис Слуцкий написал инфекционный цикл стихов о Сталине, в том числе подлый стишок о тосте вождя за здоровье русского народа, – и вскоре совсем еще не в дряхлом возрасте Бог его прибрал. Булат Окуджава, которому Сталин даже снился в страшных снах, написал о нем: «Меленький, немытый и рябой». И что же? «Приют певца угрюм и тесен, и на устах его печать». Несколько лет тому назад на американские деньги был создан кошмарный фильм о Сталине «Монстр». В этом принимали участие известный Евгений Габрилович и неизвестный Александр Новогрудский, увы, и они уже не украшают наше общество. Самым высокопоставленным и беспардонным сталиноведом был у нас в эти годы генерал-философ Волкогонов, любимец Ельцина. Накатал о Сталине четыре тома первосортного вздора. И что? Господь незамедлительно и его призвал для объяснения. Алесь Адамович напечатал в «Дружбе народов» апоплексическую повесть, в которой уверял, что Сталин был агентом царской охраны. Недолго пришлось ждать: смерть сразила его прямо в суде, в котором он отстаивал свои сталинофобские убеждения. На этой же ниве отменно потрудились Лев Разгон, признавшийся даже, что в день смерти Сталина устроил на радостях попойку. Совсем недавно и он помахал нам синим платочком. Рой Медведев сочинил тщедушную книжонку «Семья тирана», а потом – «Они окружали Сталина», и где теперь этот Рой? Кто видел мыслителя в последний раз? Эдвард Радзинский выпустил здоровенный том «Сталин», на страницах которого самозабвенно состязаются убожество ума, невежество и низость души. И теперь у него такой же затравленный вид, как у несчастного Салмана Рушди. Антонов-Овсеенко, кажется, всех превзошел по тупоумию своих антисталинских писаний. Говорят, теперь в каком-то закрытом учреждении он руководит кружком по художественному вышиванию.

* * *

И вот на таком-то жутком фоне доктор Собчак сел на Монмартре за свою книгу! Я решил, что там, в Париже, в каких-то библиотеках да архивах ему удалось раскопать уж такие потрясающие материалы, такие сногшибательные сведения, что за публикацию их можно рискнуть и с Радзинским облобызаться (разумеется, с последующей дезинфекцией). С великим ожиданием я начал читать.

И прочитал. И что же увидел? Да ведь ни одного нового факта, ни единой свежей мысли, ни малейшей претензии на самостоятельность подхода, на свежесть аргументации. Автор просто обобрал почти всех помянутых выше мыслителей, сгреб их философско-исторические побрехушки в кучу и сварил, подобно Хлестакову, «суп в кастрюльке прямо из Парижа».

Вот вам один из примеров исторической масштабности, умственного уровня и творческой самобытности антисталинизма Собчака. Он без конца гундосит, что Сталин был маленького роста и, в отличие, допустим, от Наполеона или Суворова, Пушкина или Лермонтова, ужасно стыдился этого. «На групповых фотографиях, – сообщает ученый, – заметно стремление Сталина занять такое место, чтобы выглядеть выше окружающих».

Ну правильно. Всегда, понимаешь, усаживался в первом ряду. Как будто он, генсек или верховный главнокомандующий, не мог пристроиться где-нибудь в пятом-шестом сбоку, а место в первом уступить Собчаку рядом с Буденным. На Тегеранской и Ялтинской конференциях он, надо полагать, говорил Рузвельту и Черчиллю: «Как хотите, господа, а я в кресло подложу подушечку». Ай-яй-яй, профессор, ведь это плагиат. Еще когда, как мы видели, то же самое гораздо поэтичнее, под гитару, гундосил покойный Окуджава, как, впрочем, почти все мыслители, свихнувшиеся на ненависти к Сталину.

Особого внимания заслуживает здесь покойный генерал Волкогонов, сказавший о нем в своей, теперь уже сданной в утильсырье книге «Триумф и трагедия» (не путать с «Трагедией и триумфом» Черчилля!): «Физический и нравственный пигмей!» Дело в том, что именно в этой утилькниге славного генерала, вкушающего ныне вечное блаженство, в первой ее части на вклейке между страницами 64 и 65 помещена карта из следственного дела Сталина, заполненная в 1908 году в бакинской тюрьме. Там среди других примет заключенного, естественно, указан и рост: «174 см». Нормальный для мужчины средний рост. Но генерал, доктор аж двух наук, смотрел в собственную книгу и видел собственную фигу. К слову сказать, рост Окуджавы, по данным поликлиники Литфонда, был 171 сантиметр.

Нечто подобное фигуре видел и одноразовый доктор Собчак и продолжал дудеть в ту же дуду: «Придворные фотографы обязаны были снимать вождя только под определенным ракурсом, чтобы был незаметен его маленький рост». Вот так! Чувствуете все то же хлестаковское вдохновение, рождающее фантазии насчет супчика? «Откроешь крышку – пар, которому подобного нельзя отыскать в природе!..» Воистину так. Во-первых, кто они, эти придворные фотографы? У Гитлера, например, был такой фотограф – Генрих Гофман. А у Сталина? Молчит дядя. Во-вторых, Сталина снимали в самых разных ситуациях множество самых разных фотографов, в том числе иностранных, а ведь всем не прикажешь делать это «под определенным ракурсом». Но главное, в-третьих, тюремные фотографы, как известно, не отличаются любовью к разнообразию, они знают только два ракурса – анфас да профиль, и тюремщиков трудно заподозрить в том, что они уже в 1908 году заискивали перед заключенным Джугашвили и прибавляли ему рост. Так что честному ученому надо бы признать: 174 сантиметра.

Фотографов с обязательными приукрашивающими ракурсами Анатолий тоже не сам изобрел, а стянул у Роя Медведева, и без того очень небогатого. Тот в своей книге «Семья тирана», являющейся не чем иным, как свидетельством о бедности, уверял: «Не только художники, но и фотографы убирали все оспины с лица Сталина и увеличивали на несколько сантиметров его лоб». Надо полагать, на сей счет было специальное указание Политбюро, его нарушителям, конечно же, грозил расстрел. Хоть задумался бы о том, что у самого лоб – как сковорода. И что? Чем порадовал Родину за долгую жизнь?

Хотя как автор книги о Сталине профессор Собчак в целом вполне заслуживает той характеристики, которую высказал в свое время общественный обвинитель Е. Фетисов («Уж если говорить по-русски прямо...»), но в данном конкретном случае надо признать, что он не просто стянул побрехушку о фотографах, но и развил ее дальше. Такой же пример творческой клептомании дает он и в некоторых других случаях. Так, не просто долдонит о маленьком росте Сталина, а показывает конкретно, к чему это вело: «На трибуне Мавзолея ему подставляли специальную скамеечку, чтобы выглядел выше и внушительней. Подставляли скамеечку и при его выступлениях на съездах и совещаниях». Интересно, где сейчас эта историческая скамеечка? Вот разыскать бы! Надо думать, неплохие деньги можно получить за нее на аукционе «Сотби».

* * *

«Сталинские сапоги, – продолжает Собчак творчески развивать идеи своих обворованных им предшественников, – тоже были необычными, с очень высокими каблуками, чтобы поддержать иллюзию более рослого человека». Это сперто из книги Радзинского, который по причине собственного скромного роста (по данным той же поликлиники Литфонда – 167 см) сам ходит на таких каблуках. Это я частенько вижу из окна своей дачи.

И опять, и опять все в том же воровском стиле: «Маленький, щедушный, какой-то ущербный, похожий на воришку, ожидающего кары»... Право, не всякий выдержит такой напор. Иной скажет: «Черт с тобой, согласен: маленький, щедушный, толстый. Только отвя-

жись Христа ради!» А ведь с таким напором он всюду и лез – и в доктора наук, и в партию, и в депутаты, и в мэры.

Здесь наш беспристрастный рассказ о поразительной книге, написанной Собчаком в Париже, мы вынуждены прервать отступлением о его столь же замечательных делах в паре с очаровательной супругой в Москве. Сделать это тем более необходимо, что и то и другое – в одном ключе, на одном морально-психологическом уровне и являет нечто целое.

Известный журналист Александр Минкин – один из самых неутомимых и бессердечных истязателей бедного Собчака. Так, в «Новой газете» А. Минкин напечатал о Собчаке неласковую статью «Хворь», где, в частности, привел каким-то образом перехваченный «типичный собчаковско-чубайсовский разговор», имевший место 2 октября 1997 года, когда Чубайс был, черт его упомнит, какой-то шишкой в правительстве. Вот примерный фрагмент разговора.

«Собчак: Здравствуйте, дорогой Анатолий Борисович! Как здоровьице? Как супруга?

Как детишки? Знаете, дорогой Анатолий Борисович, в московской прессе продолжаются попытки дискредитации моей личности, известной вам своей безупречностью.

Представьте себе, враги демократии предлагают меня арестовать! Конечно, я сейчас беззащитный пенсионер, но все-таки продолжаю оставаться мужем нардепки Нарусовой.

Чубайс: Не беспокойтесь, Анатолий Александрович. Ситуация под контролем. Железно! Я имел на тему вашего ареста разговор с Юмашевым, главой администрации президента. Он заверил меня, что без его ведома и без ведома Бориса Николаевича никто не посмеет отправить на нары мужа Нарусовой без жены.

Собчак: Дорогой Анатолий Борисович, что значит «ситуация под контролем»? Вот и в Чечне у нас все было «под контролем», и в экономике «под контролем», и в обороне «под контролем», и в приватизации. Не получится ли со мной, как в Чечне? Не продадут ли меня за 3 процента истинной стоимости, как «Уралмаш»?.. Ведь газеты пишут же – арестовать! Министр внутренних дел Куликов заявляет на пресс-конференции: «Вот-вот схватим голубчика». Уже, мол, и наручники подобрали по размеру.

Чубайс. Перестаньте паниковать, Собчак! Повторяю, на нары вас без жены не отправят! Железно! Я сегодня встречаюсь с Юмашевым. Первый вопрос, который мы будем обсуждать, это вопрос о вашем аресте.

Собчак: Спасибо, дорогой Анатолий Борисович. Уж такое спасибо!.. С Эйфелеву башню! Я, может быть, скоро поеду во Францию. Что вам привезти? У вашей жены ножка какого размера? Тридцать девятый? Прекрасно! А, извините за выражение, бюстик? Пятый? Тоже завидный! Вы и сами то и дело по заграницам, но у вас же нет времени там по магазинам шастать, а я – вольный пенсионер!.. Из прошлой поездки во Францию я привез своей Людочке две дюжины бюстгалтеров. Чудо! Знаете какие? Вы не поверите – на меху! Ах, французы! Что за искусники! Но это не главное, почему я вам звоню. Ведь мы же с Людочкой всегда в первую очередь думаем о любимой родине, о нашей цветущей демократии. Главное – в последнее время нас очень настораживает активность Рохлина.

Он фактически призывает к неконституционным действиям по смене власти, которой мы с вами не можем нарадоваться. Совершенно необходимо возбудить против него уголовное дело. Засудить надо смутьяна!

Чубайс: Но он же депутат, дело не имеет перспективы. А надо бы, надо! Ух, как надо.

Но подумаем еще. Может быть, найдем другой вариант. Сказал же президент: «Мы смахнем Рохлина!»

Собчак: Конечно, надо! Чтобы другие задумались».

* * *

Примерно такой был разговорчик. После его публикации, а также после того, как А. Минкин ярко осветил известное «дело писателей-хапуг», прозаик Чубайс и поэт Бойко, оба русскоязычные, подали на журналиста в суд: он, дескать, лишил нас чести и надругался над нашим достоинством. Суд тщательно искал их честь, старался нащупать их достоинство, но, увы, не обнаружил. К тому же Чубайс клятвенно обещал президенту, что 95 % гонорара-взятки отдаст детям-сиротам, но, по обыкновению, обманул и обожаемого президента, и бедных сирот. Словом, в суде истцы получили полный отлуп.

А тем временем Собчак, как видно, не поверив все-таки, что ситуация под контролем и что его не могут продать за 3 процента подлинной стоимости, рванул в Париж писать великую книгу о Сталине. Там он узнал, что в отношении генерала Рохлина, которого так жаждал засудить, нашли более эффективное средство, чтобы другие задумались.

И вот появилась новая статья А. Минкина.

Раздается у него телефонный звонок:

– Это депутат Госдумы Нарусова Людмила Борисовна, 1950-х годов рождения. Вы называете моего мужа, бедного пенсионера Собчака, преступником. Предлагаю вам явиться и представить документы.

Минкин положил трубку.

Через месяц опять звонок:

– Это Нарусова, 1950-х годов рождения, жена бедного пенсионера Собчака, получающего пенсию 480 рублей. Я член Комитета Думы по делам женщин и семьи. К нам поступило заявление, что вы похитили ребенка. (Тут следует пояснить. Дело в том, что у Минкина в это время произошла семейная драма. Он судился с бывшей женой из-за ребенка, и пока суд да дело, ребенка взял к себе. – В. Б.). Мне поручено разобраться. Давайте встретимся в китайском ресторане «Ли Ли Вонг». Вы любите китайскую кухню? Я обожаю рагу из собачатины.

Минкин – калач тертый. Он позвонил Ли Ли Вонгу и спросил, сколько у него стоит обед. Оказалось, сто долларов с рыла. О-го-го. У журналиста таких денег нет, а обедать за счет жены бедного пенсионера, получающего в месяц 480 рублей, то есть примерно столько долларов, сколько принято в этом ресторане давать гардеробщику, он не пожелал. Есть основание полагать, что было у него при этом еще и некоторое опасение. Помните «Моцарта и Сальери»? – «Последний дар моей Изоры. Переходи сегодня в чашу дружбы». Или в собачье рагу.

Как бы то ни было, а Минкин позвонил жене пенсионера и сказал, что лучше встретиться в Думе.

– Ах, как жаль, как жаль!.. Отцвели уж давно хризантемы в саду. Хорошо. Жду вас в кабинете номер 1510. Мы поговорим по душам.

Минкин направил стопы в Думу, надеясь побеседовать наедине с сильно очаровательной женщиной, известной в стране под именем Дама в тюрбане, и что он видит! «Прихожу, – говорит, – а там, кроме Нарусовой, ее муж по фамилии Собчак».

– Как рад вас видеть! Как счастлив познакомиться! – воскликнул носитель этой фамилии. – Вы – большой талант! Знаменитость! Хочется сказать о вас словами Ленина о Толстом: «Какой матерый человечище! Кого рядом с ним можно поставить в Европе? Некого!»

Словом, идет примерно такого рода светский разговор, как я представляю. «И вдруг, – пишет Минкин, – Нарусова говорит – поступила жалоба, что вы похитили ребенка с целью удовлетворения своих извращенных...» Тут я впервые в жизни почувствовал, – продолжает журналист, – что у меня есть государственная граница и что ее перешел враг». Как он при этом сумел удержаться от того, чтобы тут же не превратить их обоих в собачье рагу, я не знаю.

Он даже нашел в себе силы спросить нардепку, откуда она это взяла. Нардепка ответила, не моргнув зеленым змеиным глазом:

– Это сообщила мне председатель Комитета женщин Алевтина Викторовна Апарина, коммунистка. Она и поручила мне разобраться в вашем деле. Вы же знаете, коммунисты не лгут. Они любят повторять слова Горького: «Ложь – религия рабов и хозяев». У Апариной на вас целое досье.

Будучи рьяным антикоммунистом, Минкин, возможно, поверил, что все исходит от Апариной. Потому и не устроил рагу из супругов. И беседа мирно продолжалась, тем более что за всем этим еще и стояла судьба сына. В ходе душевной беседы муж Нарусовой, между прочим, обронил, что «когда-то подобрал оставшегося без работы бывшего Штирлица». И вот бывший безработный Володя «рос, рос и вырос до главы правительства». «Очевидно, – замечает журналист, – я должен был хорошенько понять, что имею дело не просто с пенсионером, а с крестным отцом г-на Путина».

Несмотря на весь антикоммунизм, у Минкина хватило здравого рассудка на то, чтобы пожелать встретиться и поговорить с А.В. Апариной. Жена Собчака сделала все, что было в ее силах, чтобы помешать встрече. Но она все-таки состоялась. Алевтина Викторовна с присущим коммунистам уважением к ясности сказала Минкину:

– Никакого поручения Нарусовой относительно вас я никогда не давала. С матерью ребенка никогда не встречалась. Никакого досье на вас у нас не было и нет. Ни о каких грязных намерениях относительно мальчика ни от кого никогда не слышала и, естественно, никому не могла говорить.

На всякий случай Минкин еще и позвонил бывшей жене, спросил. Та ответила:

– Какой бред! Ничего подобного никогда никому не писала, не говорила и не могла сказать!

После этого А. Минкин направил в прокуратуру заявление о возбуждении уголовного дела против Нарусовой Л.Б. и Собчака А.А. за шантаж, клевету и оскорбление.

Я с Минкиным не знаком, ни разу даже не видел его, люди мы разные: я русский коммунист, он, как почти все его соплеменники, которых я знаю, антисоветчик. У нас нет и, видимо, не может быть общих друзей, но у нас есть общие враги. Мы все-таки оба по эту сторону границы, которую, как он пишет, перешел враг.

* * *

Вы хоть теперь-то поняли, товарищ Путин, кто был вашим учителем в Ленинградском университете, с кем долгие годы яхшались, кого, возглавляя его избирательный штаб, изо всех сил стремились посадить второй раз в кресло мэра Ленинграда, и кто, афишируя свою близость с вами, нахваливал вас: «Путин учился у меня в группе. Привлекает его молодость, образованность. Он – человек абсолютно демократических убеждений!»

Но надо полагать, вы знаете его лучше, чем многие. Поэтому советую вам покаяться за свою прошлую близость с этой парочкой и рассказать о ней то, чего люди еще не знают. Это будет достойно русского офицера и православного человека – откреститься от исчадий ада. И на другой же день ваш рейтинг подскочит до 97 процентов.

1999 г.

Путин на двух креслах

«Всенародно избранный» президент России Ельцин посадил Владимира Путина на два высоких кресла: сперва сделал его директором ФСБ, потом – секретарем Совета безопасности. Конечно, такой кадровый дуэт несколько озадачивал: неужто не осталось других мудрецов, всеми печенками преданных любимому президенту? А Жириновский? А Боровой? А Новодворская? Наконец, Митрофанов? Неужто никто из них не мог сравниться с Путиным по мощи интеллекта, любви к президенту и расторопности? Тем более что с самого начала он показал себя довольно странно. Например, в тот самый день 24 марта, когда Ельцин посадил его еще на одно высокое кресло, он дал несколько пространных интервью. Откуда в такой ответственный момент нашлось у вас, товарищ Путин, столько свободного времени, чтобы точить лясы? Работать же надо! Или вам уж так не терпелось покрасоваться на телеэкранах? А ведь надо бы знать, что в иных царствах-государствах лица, занимающие подобные посты, не только предпочитают держаться в тени. Больше того, кое-где ни один человек, кроме высших руководителей государства, даже не знает, кто именно эти лица. А тут нате вам – гласность!

Из этих нескольких интервью заслуживает внимания беседа с сотрудницей НТВ Светланой Сорокиной. Кто такая Сорокина? Настоящий агент влияния, провокатор, под маской телевизионной фефелы работающая против правительства, членом коего наш друг Путин состоит. И тем не менее он охотно помчался в столь ответственный день именно на этот канал телевидения для душевной беседы именно с этой фефелой.

Сорокина, разумеется, и в этой беседе показала свое провокаторское нутро. Она сказала, например, что вот, мол, в «Таймс» и еще где-то появилась информация (употребила именно это слово) о том, что один из высших членов нынешнего правительства (она, конечно, назвала его) в свое время получил от Саддама Хусейна взятку в размере 780 тысяч долларов за поставку Ираку оружия. И спросила с милой улыбкой: «Что вы можете сказать об этой информации?»

Если Путин профессионал, то должен понимать, что сама фефела никаких «Таймсов», конечно же, ни при какой погоде не читает. Читают другие. И они подсунили ей эту «информацию», дав задание в непринужденной беседе с высокопоставленным чиновником распространить ее на всю страну, опорочить члена правительства, а заодно и прощупать собеседника.

И что же? Вместо того чтобы, как требовал его служебный долг, решительно пресечь антиправительственную провокацию, сказать, что и говорить об этом не желает, и посоветовать мадам не заниматься грязным делом, – вместо всего это мусье Путин подхватил словцо «информация» и с ответной улыбкой на устах попытался клевету на правительство обратить в игривую шуточку-прибауточку. Естественно, что улыбочивость собеседника прибавила наглости собеседнице, и она прет дальше: «А не обратиться ли вам в эти газеты? Не произвести ли расследование насчет взяточничества в правительстве?» И опять вместо отпора получает галантную улыбку: «Хорошо. Я подумаю». В сущности, директор-секретарь сыграл в этой беседе роль пособника Сорокиной. Иначе говоря, она работала гораздо профессиональнее, чем он. Да о чем говорить? Перед лицом наглой клеветы Путин не проявил даже самого элементарного чувства товарищества. Кто после этого пойдет с ним в разведку? Как Горбачев, когда Собчаки поносили Рыжкова, Лигачева и других.

* * *

Еще более тягостное впечатление оставило участие Путина в «деле Скуратова». Ну то, что здесь играл важную роль С. Степашин, никого не удивило: еще со времен чеченской войны он показал себя человеком, способным ради Ельцина на все. Так, получив в Дагестане известие об убийстве генерала Рохлина, умного и смелого противника Ельцина, он, не зная всех

обстоятельств дела, тотчас объявил: «Убийство на бытовой почве». Получив известие об убийстве Г. Старовойтовой, немедленно просветил человечество: «Политическое убийство!» И тут же выразил твердую уверенность, что злодеяние будет раскрыто. Одна лишь эта уверенность изобличала пустозвона. Действительно, если теперь уже за долгие годы до сих пор не было раскрыто ни одного громкого убийства, то лишь в пустой голове могла родиться уверенность, что вот это убийство уж непременно я раскрою. С другой стороны, если у тебя есть в силу не известных нам причин такая уверенность, то ведь на всякий случай совершенно не обязательно оглашать ее перед всем народом. Он даже этого не соображает! Как говорится, не хвались, едучи на рать, а хвались, едучи с рати.

Да, Степашин, защитивший диссертацию «Руководящая роль КПСС в пожарном деле», давно уже никого ничем не удивит. Но вас-то, с вашим 17-летним стажем работы в КГБ, как угораздило вляпаться в «дело Скуратова», едва ли не самое грязное и лживое за всю историю ельцинизма! Ну где тот идиот, который поверит вам, что какой-то безвестный заместитель районного прокурора Вячеслав Росинский возбудил дело против генерального прокурора, да еще в 2 часа ночи! Да почему среди ночи, а не днем? Оказывается, как вечером 5 апреля передало телевидение, этого Росинского среди ночи вызвали в администрацию президента и там состряпали этот иск. Это похоже на союз проститутки с гангстером. Но все равно дело считается возбужденным с того момента, как исковое заявление поступило в соответствующую инстанцию и принято к производству. Как это могло произойти в 2 часа ночи? Где та судебная инстанция, которая работает круглые сутки?

Но вот опять появились оба на телеэкране, и мы слышим: «Самая первичная оценка специалистами известной пленки показывает, что она подлинная». Прекрасно! Но, во-первых, никто и не спорит о самой пленке. Вполне возможно, что подлинная, а не копия. Вопрос же в том, кто на ней изображен. Занимая такой пост, профессионал Путин не умеет четко выражать свои мысли. Во-вторых, «самая первичная оценка» – это не аргумент, она может быть ошибочной. Здесь необходима и вторичная, и пятикратная, а то и десятикратная оценка. Впрочем, он тут же сам себя опровергает: «...пленка подлинная», но – «это требует еще подтверждения». Вот именно! Требует. Но немедленно и это опровержение опровергается: «...требует подтверждения, хотя никаких сомнений нет». Вот те на! Вертится, как грешник на сковороде! А ведь как профессионал должен бы понимать, что тут речь должна идти не о сомнениях или впечатлениях, а о фактах. Но их-то и нет. Разве можно считать доказательным фактом бульварную публикацию в бульварном «Московском комсомольце» – беседу с девицей в темных очках и с подбитой будкой? Или – полночный перепуганный лепет Росинского?

На выручку вам бросился несчастный горемыка Якушкин: «У президента нет оснований не доверять Московской прокуратуре». Во-первых, при чем здесь вся Московская прокуратура? Ведь иск против Скуратова подал только один из сотрудников, поднятый по тревоге. Во-вторых, а какие у президента основания не доверять Генеральной прокуратуре, ни один из сотрудников которой никакого иска не подавал? Наконец, какие у него основания не доверять лично Скуратову, которого ведь он сам выбрал, предложил и утвердил в должности Генерального? А если основания есть, то в каком же свете он теперь предстает перед народом? Все помнят, как он ликовал, когда удалось протащить Степанкова на должность Генерального: «Теперь у нас наш прокурор! Демократический! Реформаторский!» Но скоро он оказался не к месту. Появился Казанник. Уж в нем-то Ельцин должен был души не чаять: ведь это он, как в очереди за пивом, уступил ему свое место в президиуме Верховного Совета, куда махровый партийный демагог на выборах не прошел. Но Казанник, видя самодурство и невежество отца Отечества, тоже скоро удалился. Где-то разыскали Ильющенко. Трижды пытался Ельцин протащить его на пост Генерального. Не удалось! Так и остался и. о. Но как Ильющенко ни лакействовал, как ни бросался на амбразуры, обороняя президента, дело все-таки кончилось для него нарами в Бутырках, двумя годами в перенаселенной камере и приобретенной там чахоткой. И вот,

наконец, Скуратов, пятый прокурор ельцинской эпохи, и опять то же самое: аморальная личность, уголовное дело, отстранить! Что ж получается? Выходит, что отец народа, как олух царя небесного, ничего не понимает в людях: кого ни назначит, все негодяи и мерзавцы.

В том явлении вместе со Степашиным народу, о котором упоминалось, вы очень чувствительно и трогательно говорили о том, что моральный уровень Генерального прокурора должен быть высок. Золотые слова! Но вы же не станете отрицать, что моральный уровень отца народа должен быть еще выше, ну просто должен уходить за облака. Однако что же мы видели?

На каком уровне была мораль отца народа, когда он до того натрескался сорокаградусной, что не смог продрать глаза и выйти из самолета для заранее запланированной встречи с премьер-министром Ирландии? За Скуратовым ничего подобного не числилось.

Что можно сказать о моральном уровне отца народа, когда он опять же так налил шары, что на аэродроме в Бостоне, выйдя из самолета, стал мочиться на глазах потрясенного человечества? Ведь Скуратов в этом не уличен.

Достигал ли моральный уровень отца народа заоблачных высот, когда он изрыгал: «Как я сказал, так и будет!» Или: «Отстранить меня от власти может только Господь Бог!» Или: «Разогнать эту Думу к чертовой матери!» Или: «Мы сметем Рохлина!» И тому подобное.

А что касается проказ по женской линии, то Александр Коржаков, одиннадцать лет бывший охранником и постельничим Ельцина, заявил в «Независимой газете» в связи с «делом Скуратова»: «Лучше Борису Николаевичу не трогать эту тему. Опасно!» Это дает основания задать и такой вопрос: «Имеет ли моральное право похотливый павиан, даже если он отец народа, осуждать обыкновенную мартишку?»

Я уж не говорю о моральном уровне отца народа, который он показал всему миру, когда расстреливал Парламент страны или развязал чеченскую войну, – об этом сказано много.

* * *

Каков же вывод? А он очевиден. За время своего пребывания на двух высоких и ответственных должностях вам, ваше степенство, не удалось завоевать доверия и расположения народа хотя бы в пределах Садового кольца. А теперь, когда 5 апреля у приемной ФСБ на Кузнецком мосту, то есть у вас под носом, еще и рванул взрыв, вы стали фигурой просто комической. Ведь уже был такой взрыв на том же месте за несколько месяцев до этого. А вы со своим дружком Степашиным продолжали хлопать ушами. Вам, бездельникам, этого было мало! Мало вам и 60-ти сослуживцев, сгоревших в Самаре.

Вам бы вот Скуратова на бабе поймать – не было для вас дела важнее и увлекательнее.

1999 г.

Кто сказал, что президент трус?.

Выступая на заседании Думы, депутат от КПРФ Виктор Тюлькин обозвал президента трусом. Нет, нет, если точно, то не обозвал, а выразился достаточно деликатно: «президент играет роль труса». Играет! Должны же депутаты соображать, что это иносказание, аллегория.

Но все-таки Грызлов, Слиска, Жириновский и другие пламенные путинисты вздумали наказать депутата Тюлькина, невзирая в данном случае даже на то, что он ленинградец, земляк их обожаемого босса. Сперва предложили отправить Тюлькина в наручниках и с кляпом во рту на две недели в вытрезвитель. Наручники у Слиски в ридикюле нашлись, народный заботник Исаев из газет с текстом закона № 122 – навывок! школа! – изготовил отличный кляп. Но тут кто-то сказал, что вытрезвители в процессе демократических реформ ликвидированы как пережиток, как символ сталинизма и переоборудованы под квартиры для депутатов фракции ЛДПР. И тогда Тюлькина на месяц лишили слова в Думе. Вот уж и не знаю точно, то ли на трибуну запрещено ему подниматься с речами, то ли даже и в буфете обязан он молчать, а имеет право, допустим, после яичницы со стаканом пива только блаженно крикнуть.

Но я бы лично и в Думе надел на него смирительную рубашку, наручники, вставил бы кляп и запретил кричать. В самом деле, да неужто государственный муж не понимает, что сомнительные аллегории в отношении президента недопустимы, что даже слова «президент» и «трус» в любой их комбинации непозволительно ставить в одной фразе, даже на одной странице. Ах, Виктор Аркадьевич, как же не учитывать подобные вещи! Только слепой может не видеть, только тупой не понимать, что президент наш герой, рыцарь, богатырь. Это можно было уразуметь с первых дней его правления.

Вспомните, подумайте. На его месте какой-нибудь мямля, став президентом, под напором темных сил ограбленного народа первым делом в страхе перед гневом соотечественников отдал бы под суд кровавую образину из Свердловска. А он? И не дрогнул. Смело пошел против народа и не только грудью своей закрыл образину, но еще и Указом № 1 обеспечил ему и его родственникам, включая внуков, пожизненную неподсудность, неприкасаемость и обеспечил их резиденциями, дачами, машинами, охраной, если бы мог, даровал бы всему их кагалу даже бессмертие. И на все это он ежегодно и аккуратно выкладывает полтора миллиона долларов. (Правда, по рассеянности не из своего кармана, а из нашего.)

Разве вы, Виктор Аркадьевич, способны были бы на такой безоглядно отчаянный и бескорыстный жест? Да ни за что! Вы послушно выполнили бы волю серых народных масс. Вы уpekли бы образину в каталажку, а родичей выслали бы на Мадагаскар.

А как Путин поступил с Черномырдиным, которого даже нынешний американский президент всесветно объявил взяточником, над которым хохотала вся Европа, Америка и Африка, когда он вернул французским гобсекам 400 миллионов долларов царских долгов позапрошлого века? Этого балаганного шута, которому как раз заведовать бы вытрезвителем (конечно, после отбытия срока с конфискацией всего наворованного имущества), он, ничего не боясь, упрятал, скрыл от народа: направил Чрезвычайным и Полномочным послом на Украину, в республику, отношения с которой для нас важнее, чем с Америкой. Незаменимый, видите ли, дипломат выискался. Разглядеть в вороватом хмыре нового Чичерина, а тон князя Горчакова наших дней, – разве это не прозорливость ума, разве не душевная отвага? Такое назначение по смелости можно сопоставить разве что только с поступком патриарха Алексия II, в свое время назвавшего Ельцина не как-нибудь, а Владимиром Святым, Владимиром Красное Солнышко новой России. Или с откровением Марка Захарова, уподобившего писания этого «солнышка» романам Льва Толстого. Путин – из этой плеяды храбрецов.

Столь же бесстрашно укрыл президент и Павла Бородину, на которого в США в виде прикидки разок уже надевали наручники и приковывали к тюремной койке. Его Путин отпра-

вил на кормление и для сохранности в Белоруссию. Помните, как он лез в мэры Москвы? «Да я! Да мы!...» Но оказался в спасительном Минске.

* * *

Перед поездкой в Китай беседовал Путин с журналистами. Они спросили: «Что вы считаете основным, главным, определяющим в деятельности политика?» Он, не моргнув глазом, ответил: «Главное, основополагающее – не врать!» Так и сказал: не следовать правде, не признавать ошибки, а именно не врать. Ах, как красиво!

Но Боже милостивый, какая нужна еще и безумная отвага, чтобы на весь мир объявить это! Ведь все годы, что мы его видим и слышим (кажется, уже лет восемь), он только и делает, что напропалую врет как прямо, так и путем умолчаний, – и в мелочах, и в частностях, и в большом.

Вспомните хотя бы, что он сказал, когда чеченцы вторглись в Дагестан? «Они там бегают, как зайцы, но мы их быстро загоним куда надо». И куда загнал? В старинный Московский манеж и там всех зайцев до единого живьем зажарил. Правда, после этого зайцам удалось растерзать президента Кадырова, а позже кто-то устроил кровавое побоище в Беслане. Конечно, тут больше хвастовства и незнания дела, чем чистого вранья, но бесспорно то, что слабый духом человек не назвал бы чеченцев зайцами, не посмел бы.

А заметили вы, что Путин очень любит побалакать о прозрачности. Власть, политика, принимаемые решения – все, говорит, должно быть абсолютно прозрачно. Ну как детская слеза, как речь того самого Черномырдина. И однажды, когда посадили в кутузку Гусинского, а президент был в Испании, его журналисты спрашивают, как, мол, и что. Он мог послать их ко всем чертям, не президентское, мол, это дело – сажать в тюрьму, но перед лицом цивилизованного сообщества опять не дрогнул и ответил так: «Я не могу связаться с Генеральным прокурором».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.